

Отзыв о магистерской диссертации

К.С. Алтухова « Стилистические особенности просодического оформления публичной речи (на материале речи российских политиков)»

Магистерская диссертация К.С. Алтухова относится к **актуальной** – особенно, для нашего времени – теме публичной речи, в которой предметом специального интереса автора является просодика. Материал исследования- политические речи и интервью двух главных ныне живущих политических лиц страны - привлекает своей **новизной**, в особенности, на фоне малого количества работ на русском языке по устной речи политиков.

Диссертация объемом 138 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии из 71 названия и большого приложения, содержащего тексты выступлений и расшифровки интервью, тексты с разметкой выделительной паузы и образцы осциллограмм с разметкой других видов паузации. Работа хорошо структурирована.

Цель работы определена как выявление основных характеристик *политического выступления*, предполагающего «последовательное сопоставление *двух речевых стилей*: публичного политического выступления и политического интервью». Интервью далее (с.15) трактуется по типу речи как более близкое к *разговорной*, или *обиходной* речи, а упомянутые *речевые стили* приравниваются к *подготовленной* и *спонтанной* речи, соответственно (с 6).

На этом этапе смущает автоматическое приравнивание автором терминов из разных аспектов, даже областей науки о речи. (Публичное) *политическое выступление* и *политическое интервью* квалифицируются в русистике как речевые жанры, относящиеся к публичному дискурсу; *официальный* и *разговорный* (*неофициальный*) стили – термины, относящиеся к социолингвистическим вариантам языка, закрепленным в общественном сознании за определенными типами социальных ситуаций. *Речевые стили*, видимо, относятся к собственно фонетической стороне обсуждаемых речевых произведений, но в каком отношении они состоят с фонетическими понятиями *стиля произношения* и *типа произнесения*, или *произносительного стиля*, неясно. В принципе, отнесение интервью, данного политиком, к разговорному стилю, выглядело бы странным при стилистическом анализе, поскольку по составу участников, обстановке и теме это, скорее, официальное речевое событие. Что такой тип события реализуется в неофициальном стиле общения, надо было бы доказывать записями речи

информантов в настоящей неформальной обстановке (дома, в кругу семьи, или с друзьями на шашлыках). Автор, кстати, осведомлен о социолингвистическом несоответствии квалификации интервью как неформального речевого события (ср. с. 15). Другое дело, что конкретный материал диссертации, интервью В.П. и Д.М., совершенно неполитические по теме и чрезвычайно неформальные по стилю речи (о чем можно судить по расшифровке), позволяют трактовать их как разговорно-неформальный тип речи в отличие от их (конкретных) политических выступлений как примеров формального типа речи. Этот удачный для автора факт не снимает с него обязательств по обсуждению вводимых им терминов и других понятий из необходимого для работы концептуального поля.

Второй смущающий момент касается предмета и цели исследования. Фактически, исследуются два жанра, политическая речь и интервью; данные по паузации и темпу получены для обоих жанров. Логически также понятно, что особенности можно изучать только в сравнении со сходным объектом без оных особенностей. Но в названии работы, и в формулировке цели фигурирует только политическое выступление (речь), и в заключение данные по интервью не включены. Хотелось бы понять, что стоит за такой постановкой вопроса, хотя авторское право выбора в этом случае несомненно.

В первой и второй главах (теоретических) подробно разбираются формальный и функциональный аспекты паузации, исследовательские вопросы способов их измерения, общеинтонационные вопросы и социолингвистические аспекты стилевой проблематики публичной речи. Приводятся сведения об истории изучения публичной речи. Введение в начале 3й главы, где подробно изложена процедура исследования, указаны критерии сегментации и вычленения паузальных сегментов, измерений паузации и темпа, принимаемые в работе, завершает теоретический подход к исследованию. В обзоре, однако, не хватает конкретных данных из работ по прямой проблематике данного исследования, о просодических признаках политического выступления. Между тем ряд таких работ представлен в обзоре, и иногда с цитированием. Литературных данных по просодическим признакам политической речи тем более не хватает в разделе обсуждения результатов, отсутствующем в данном исследовании, но обычном для экспериментальных работ. Немного жаль, что вместо этого материала мы узнаем о греческих риториках IV века до нашей эры, или о советах Аристотеля по составлению хороших речей, или даже о системе Станиславского, столь нами уважаемого.

В третьей, практической главе последовательно сопоставляется использование пауз по типам (заполненные\незаполненные, хезитационные\ выделительные), по месту в синтагме - внутри-и межсинтагменные, по длительности в речи обоих информантов в обоих стилях речи. Исследуется также темп речи обоих информантов с паузами и за их вычетом. Данные подсчетов представлены в удобочитаемых таблицах и рисунках. Однако некоторые таблицы и рисунки к ним не снабжены комментарием, например, табл. 7, табл. 13, 14, рис.10, рис.14. Частично информация из них легко вычитывается, но для некоторых, как например, рис.15-16 (по выделительным паузам первого и последнего слова в

синтагме), хотелось бы узнать мнение автора о функциях такого рода выделительных пауз.

Хотя различие индивидуальных стилей информантов не было заявлено как отдельный предмет исследования, большая часть комментария к данным просодики относится именно к этому аспекту исследования. В случаях близких показателей по речи обоих информантов проблем их стилистической интерпретации не возникает, но в случаях сильного расхождения количественных характеристик речи В.П. и Д.М., до степени «перехлестывания» индивидуальной вариативности за границы лингво-стилистических категорий автор, естественным образом, пытается их проинтерпретировать, легко переходя границы разных областей исследования и своей компетенции в них. Так, в случае тройного превышения процента заполненных пауз на границе синтагм в речи Медведева по сравнению с путинской (с.51-52), автор объясняет данный факт «большой, чем у Путина, интенсивностью речи. Большая напряженность органов артикуляции, меньшее употребление внутрисинтагменных пауз и заметная монотонность речи вынуждает Медведева чаще делать паузы на границе синтагм для того, чтобы сделать вдох. Даже при помощи первичного слухового анализа можно установить, что большинство заполненных пауз на границе синтагм носят физиологический характер, т.е. в тот момент говорящий совершает вдох и выдох». Автор вводит сразу несколько новых параметров в анализ речи: интенсивностью речи, напряженность органов артикуляции, оценку ее как монотонной. При этом как автор определил интенсивность речи у П. и М., как замерил напряжение органов артикуляции у М., и каким образом монотонность речи М (видимо, проводилась оценка речи М на выразительность!) вынуждает его чаще дышать, одному богу известно. Более того, по мнению автора, при восприятии спонтанной речи М. возникают «некоторые трудности»: «синтагмы проговариваются относительно быстро, не разбавляясь при этом внутрисинтагменными паузами, паузами хезитации, а длительные паузы между синтагмами мешают связать их в цельный воспринимаемый текст» (с. 56). Видимо, эта оценка-результат перцептивного анализа. В следующем шаге автор доходит до психолингвистических основ порождения высказывания: «Очевидно, что формирование высказывания, его корректирование Медведев совершает не во время говорения, как Путин, а в паузах между речевыми отрезками» (с.56). Вопрос о стилистической релевантности этих увлекательных подробностей, по-видимому, уходит на второй план. Некоторые выводы противоречат здравому смыслу: высокий темп политической речи М. объясняется его лекторским опытом - с точностью до наоборот относительно жизненной правды (ср. замечание Л.Р.Зиндера, процитированное автором на с. 37).

В итоге подсчетов и размышлений в ходе практической части исследования, автор приходит к выводу о том, что основным и единственным просодическим признаком политического выступления является выделительная пауза. Обширная информация об остальных паузальных данных, по умолчанию, оказывается нерелевантной. Данные по темпу получают инновационную формулировку о приоритете паузы в просодическом комплексе средств, ее «самостоятельности» и определяющем влиянии на темп. При полном праве автора на свою интерпретацию данных ее нетривиальность нуждается в дополнительном обосновании. В частности, не вполне понятно, почему данные, полученные в сугубо

экспериментальной ситуации подсчета темпа без пауз, имплицитно обобщаются как выводы о реальной ситуации «политическое выступление VS интервью».

В связи с изложенными замечаниями и полемическими положениями к автору есть несколько вопросов (в порядке дискуссии):

1. Чем обусловлен выбор только двух и именно данных двух (паузации и темпа) из набора релевантных просодических параметров? Как Вы обосновываете этот выбор? Довод о том, что эти просодические характеристики участвуют в каждом этапе политической речи (с.26), не выдерживает критики: они участвуют в любом проявлении устной речи, их стилистическая специфика здесь не очевидна.
2. Какой смысл - если не прагматический, то, может быть, методический - имеет подсчет темпа речи с паузами и без пауз? Какова была гипотеза о значимости этого экспериментального хода для решения задачи – вычленения признаков речевого жанра политического выступления?
4. Как Вы объясняете тот факт, что темп речи, на который чаще указывают как на ресурс управляемого речевого поведения по сравнению с паузой (кроме выделительной), в заключении оказывается полностью производным от паузации?

Мелких технических огрехов в работе достаточно: страдает пунктуация (особенно, вводные слова и словосочетания); орфография (союз *также* пишется одинаково с наречным словосочетанием *так же*; *пишите* вместо *пишете* с. 82,92; *церимонии* с.85); есть невычитанные фразы напр, с17, с 24; в библиографии одна и та же книга Д. Кристала 1969 дана в двух вариантах названия; за именем Бодуэн нет названия книги; в цитировании Н.Д.Светозаровой на с. 25 насчитано 4 функции интонации при авторских трех. Очень большое количество опечаток, особенно к концу.

Несмотря на высказанные замечания и дискуссионные моменты, считаю, что К.С.Алтуховым выполнено самостоятельное исследование с использованием сложных и трудоемких методик, принятых в экспериментально - фонетических исследованиях на кафедре фонетики и методики СПбГУ. Автором был получен определенный ответ на задачу, поставленную в начале исследования. Исследование К.С.Алтухова следует признать соответствующим требованиям, предъявляемым к работам данного жанра, и заслуживающим положительной оценки.

Доцент кафедры общего языкознания,

В.Б.Гулида

Подпись	
удостоверяю, документовед	Филологического факультета СПбГУ
«01»	06 2011 г.